

Настя ненавидела, когда брали ее вещи. Ненавидела всей душой, так, что сразу становилось жутко стыдно перед самой собой за столь низменные чувства, а откуда-то из живота к горлу поднимался горячий плотный комок, который, разбухая, перекрывал доступ воздуха и не давал ей дышать.

Ее чистенькие, отглаженные, ставшие родными и с таким трудом добытые вещи брали чужие руки и напяливали на чужое тело... А потом ее одежда становилась частью, опять же, чужой, не Настинной жизни. И после всего этого Настины вещи тоже почему-то становились чужими. И поделаться ничего было нельзя!

Настя их, конечно, носила, потому что нужно ведь что-то носить, не голой же ей ходить! Но чувство брезгливости не пропадало ни после бесконечных стирок и глажек, ни даже после старательных, но бесполезных усилий объяснить себе, что ничего страшно-

Марина Алексеева

го не произошло и юбка осталась той же самой юбкой, несмотря на то что ее пару раз надела Ольга...

Может быть, если бы Настя могла позволить себе покупать любую понравившуюся одежду, или хотя бы только необходимую ей одежду, или хотя бы половину необходимой ей одежды, тогда она не была бы такой чудовищно жадной и брезгливой? Насте было очень противно, что она испытывает такие совсем не благородные... да что уж там говорить, мелочные чувства она испытывает! Не к лицу воспитанной и интеллигентной девушке быть патологически жадной, быть такой раздражительной, не к лицу давить, как жирного таракана, раздирающий изнутри гнев, возникающий от очередной Ольгиной просьбы дать ей что-нибудь поносить, не к лицу, конечно, но поделаться с собой Настя ничегошеньки не могла. Старалась, объясняла себе, пыталась думать, что ей все равно, вернее, заставляла себя так думать, диктовала себе заученные фразы. Например, такие: «Ерунда. Оля наденет мою куртку только сегодня. Она будет аккуратна. И я очень хорошо к Ольге отношусь. И совсем мне куртку не жалко»...

Ничего не помогало! Куртку было жалко! Жалко — до слез, показать которые Настя ни в коем случае не могла...

Вот если бы Настя могла покупать себе хоть что-то, хоть иногда... И не на Черкизовском рынке, а в мало-мальски приличном магазине...

Подумаешь, сказала бы она себе тогда, подумаешь, блузка с жирным пятном после того, как ее взяла всего на один вечер Ольга, да наплевать на нее — куплю новую, еще лучше! Но на самом деле в

своей реальной жизни приобрести хоть что-нибудь стоящее было совершенно невозможным для Насти. Она не могла купить практически ничего приличного из одежды. То, чем можно было разжиться за сто рублей на лотке у метро, было не в счет. Эти вещи, конечно, тоже назывались одеждой, они выполняли свои основные функции: прикрывали голое тело и защищали от холода, но как же они были скучны, безвкусны, похожи друг на друга и, самое главное, — некачественны. Покупать их не было никакого смысла — себе дороже — расползутся, потеряют форму и цвет при первой же стирке, да и радости от них никакой...

...Пятно на брюках было жирным и плотным на ощупь. Оно нагло ухмылялось, скалило сальную рожицу и чувствовало себя победителем. Отстирается или нет? Пятно явно было уверено, что избавиться от него будет невозможно. «Ха!» — сказала оно Насте и подмигнуло. Самоуверенное какое пятно! Не то что Настя...

Комок снова подкатил к горлу, разбух и перекрыл кислород. Настя глубоко вдохнула и попыталась протолкнуть его обратно, куда-нибудь в желудок — он не поддался и продолжал давить и давить изнутри, мешая дышать.

Настя взглянула на себя в зеркало — шея была тонкой и совсем не раздувалась... Надо же, а ей казалось, что она увидит растущий на глазах бесформенный шар, такой, как в фильмах про пришельцев, когда что-то инородное сначала увеличивается в размерах, распирая живот героя, а потом вылезает наружу и повергает всех и особенно того, в ком оно,

Марина Алексеева

собственно, и выросло, в неопиcуемый шок. Но из Насти ничего не вылезло, как ни странно. Комок продолжал сидеть внутри и давил, давил, давил так, что хотелось выбежать на улицу, на которой бы было обязательно очень холодно, и дышать, дышать — сильно, жадно, быстро, — тогда бы комок скукожился и зачах от мороза, и непременно растворился бы в воздухе.

Настя с вялой надеждой взглянула в окно. Там был сентябрь. Только ему, видимо, тоже все надоело до чертиков, и он решил сменить имидж и стать другим — хоть на несколько дней! — насколько духу хватит. Сентябрь был жарким, душным и потным — вот как его угораздило! Долго он так, конечно, не продержится, но сейчас бежать на улицу никакого смысла не было.

«Спокойно, главное — спокойно, это еще не конец света... Это всего лишь начало конца», — Настя разглядывала свои почти новые брюки и все гадала, удастся ли отстирать это наглое и очень подозрительное пятно на коленке.

И как только Ольга умудряется так замысловато пачкаться всего за один день? Она же не детсадовец, в конце концов, который только учится есть ложкой и выливает на себя большую часть выданного на обед супа! А меньшую — выливает на стол и на пол...

Настя невольнo улыбнулась, вспомнив, как сегодня кормила Машку обедом, как заглянула в ее комнату, когда девочка спала, трогательно обняв плюшевого мышонка. Настя снова улыбнулась и тихонько прикрыла дверь.

Комок растворился сам собой. Машка от него, оказывается, помогает! Машка, наверное, помогает почти от всего...

Настя снова с тоской взглянула на пятно. Эх, Ольга, Ольга... Вот Настя может неделю ходить в одной и той же юбке и ни разу ничем не облиться. И нет в этом ничего сложного. Просто подумать немного, прикинуть, как сесть или встать, как положить салфетку на колени, и только потом есть жирный, истекающий маслом чебурек.

Чебуреков она не ела. Дорого. Чебуреки, продающиеся в палатке у метро, чебуреки, которыми завтракали, обедали и ужинали хорошо обеспеченные работники расположенного поблизости рынка, были недопустимой роскошью для Насти. А пахли чебуреки вкусно... Пережаренным прогорклым маслом и сомнительного происхождения и качества мясом... Но тем не менее... Почему-то хотелось Насте этих несчастных чебуреков больше всего на свете, хоть и не полезные они совсем, хоть и понапихано в них неизвестно что, и пожарены они в том же самом жире, в котором жарились их собратья еще пару недель назад... Ну и что? Хотелось — и все! Наверное, потому, что нельзя, — потому и хотелось...

Нет, Настя, конечно, могла покупать себе эти вожденные чебуреки, когда очень уж приспичит, но она благоразумно решила, что гораздо полезнее истратить уплаченные за них деньги на овощи или фрукты. Так что приходилось выбирать. Потому что на все, чего ей хотелось, денег не хватало. И это мягко сказано...

Марина Алексеева

Одежду Насте приходилось шить. Самой. Или перешивать. Делала это Настя просто виртуозно. Мастерски она это делала! Копила несколько месяцев, откладывая жалкие крохи от своей учительской зарплаты, покупала, наконец, недорогой кусок более-менее качественной ткани и превращала его в модную элегантную вещь. И ей еще и завидовали! Подумать только! Завидовали ей! Девчонки, которые не считали денег, которые работали просто так — за интерес, чтобы не скучно было, а не за зарплату, как Настя. Девчонки, которые могли купить себе любую понравившуюся шмотку, — завидовали ей! Но, наверное, было чему, если завидовали. Настя умудрялась выглядеть лучше их всех, вместе взятых. И как ей только удавалось?

Хотя ответы на этот вопрос лежали на поверхности. Настя никогда не торопилась и не хватала сразу то, что понравилось. Шла домой, перебирала свой скудный гардероб, прикидывала, что и с чем можно надеть, что к чему подойдет по цвету, думала, сомневалась... Потом долго выбирала фасон, несколько раз ходила в магазин и трогала, примеряла на себя понравившуюся ткань... А что ей было еще делать, если купить отрез сразу Настя все равно не могла? Приходилось копить два, а иногда и три месяца. Вот и созревала за это время в голове уже почти живая яркая модель, которую только и оставалось что воплотить в реальность, то есть сшить. Сшить очень аккуратно, буквально сто раз отмерив и один раз отрезав, потому что права на ошибку Настя не имела. Слишком велика была для нее цена этой ошибки. В прямом смысле — велика...

Сестра Насти Ольга, истекая завистью, глядя на очередное Настино творение, тоже неслась в магазин тканей, хватала несколько отрезков и влетала обратно в квартиру, горя нестерпимым желанием сотворить нечто подобное тому, что увидела у Насти. Ольга торопилась и нещадно кромсала материал ножницами. Иногда у нее что-то и получалось. Случайно. Если фасон был несложным... А чаще обрезки испорченной ткани выбрасывались в мусоропровод в тот же самый вечер — выбрасывались, чтобы не нервировать Ольгу, напоминая своим растерзанным видом об очередной досадной неудаче. С глаз долой — из сердца вон! Выбросила — и забыла! Делов-то! Настя с сожалением провожала обрезки взглядом, и только чувство присущей ей болезненной гордости удерживало от унижительной просьбы отдать ей то, что испортила Ольга. А ведь Настя могла бы что-нибудь придумать... Например, из перекошенного пиджака сотворить чудесную жилетку, просто пальчики оближешь, какую могла бы она сшить жилетку...

Настя еще раз оценила пятно на брюках. Интересно, от чего оно? Правда от чебурека, что ли? Пятно посмотрело на нее презрительно и тайну своего происхождения открывать не пожелало. Ну и ладно! Сейчас увидим, кто кого!

Настя взяла большую розовую бутылку «Ваниша», специально прикупленную для борьбы с последствиями Ольгиных выходов в Настиных вещах, и еще раз прочитав инструкцию, щедро плеснула на пятно. Может, поможет? В рекламе обещали, что поможет, обязательно... Обидно будет, если пятно не

Марина Алексеева

отойдет, бутылка стоила дорого, можно было бы шоколадных конфет купить...

Конфет Насте хотелось всегда. Трюфелей, например. Или чернослива в шоколаде... Горькую жизнь необходимо обязательно подслащивать. Хоть чем-то. Почему бы и не конфетами?

— На-настя! — раздался истошный вопль из Машкиной комнаты. — На-настя! Я поспала!

Захлопнув дверцу стиральной машины, Настя кинулась к племяннице. Нужно было успеть вытащить ее из кровати и быстро посадить на горшок. Опоздание было чревато тем, что Машкины штаны будут мокрыми и постельное белье тоже. Причем Машка, как правило, умудрялась намочить даже одеяло! Она предпочитала спать, завернувшись в него, как в кокон, заправив большую часть одеяла себе под попу, и поэтому менять в случае неудачи приходилось полностью все содержимое кровати.

— Я поспала? — вопросительно и в то же время утвердительно заявила сонная Машка, сидя на горшке.

Сонные глазки светились надеждой на то, что спать больше не нужно и можно заняться какими-нибудь более интересными вещами.

— Поспала, поспала, — успокоила ее Настя. — Сейчас поедим и гулять пойдем. Пойдем?

Машка радостно кивнула головой и, поглядев по сторонам, потребовала:

— Дай гусеничку!

Настя дала.

— Гусеничка, я поспала, — сообщила девочка длинной красно-желтой мохнатой гусенице, которую ей привезли из Сочи Ольга с драгоценным своим мужем Стасом. — А ты поспала? Гусеничка, ты поспала?

— И гусеничка поспала, — сказала Настя и сняла девочку с горшка.

Они успели все сделать на горшок. Постель менять не придется. Уже хорошо!

Просто замечательно!

Вечер сегодня предстоял быть насыщенным. Настя должна была покормить вечно сопротивляющуюся и упирающуюся изо всех сил Машку дважды, погулять и уложить спать, это требовало невероятного терпения, выдумки, труда. Так как характер у Маши был не по-детски твердый и все, что не совпадало с ее интересами, встречалось малышкой с поразительным сопротивлением. Упиралась так, будто не поест — это самое главное в ее жизни дело, и нужно обязательно выстоять, не сломаться и во что бы то ни стало отказаться от каши и непременно остаться голодной.

Чего бы это ни стоило!

К концу дня Настя без сил валилась на диван. Дети — это, конечно, счастье... Только — не простое... А очень сложное какое-то счастье — эти дети. Любишь их больше всего на свете, любишься и умиляешься забавным мордашкам, неуклюжим жестам, смешным фразам и постоянно при этом чего-нибудь боишься: как бы не заболели, как бы не упали, как бы не расстроились, как бы не потерялись, как бы не обидел кто-нибудь из других, более агрессивных малышей. Сплошные как бы...

Любишь их, скучаешь, а еще почему-то при всем при этом безумно, просто неприлично радуешься, когда удастся сбежать куда-нибудь хотя бы на пару

Марина Алексеева

часов, подкинув чадо бабушкам... Вот такой парадокс. Вот такое счастье — наши дети.

Конечно, счастье, подумала Настя, заглянув в комнату и посмотрев на серьезное, щекастое Машкино личико. Вымотавшись за день, девочка усиленно сопела, приоткрыв ротик. Конечно, как не устать, если у ребенка не жизнь, а вечный бой какой-то, подумала Настя, аккуратно прикрывая дверь.

Сегодняшний вечер прошел без особых отклонений от обычного сценария. Настя проиграла все полагающиеся роли, пережила экстремальное гуляние, одолела Машкино нежелание после этого гуляния отмываться в ванной, согласилась на мировую ничью в «Битве-2», означавшую, что Машка съест, но не все, а только половину полагающейся картошки, причем непременно руками, и — последний штрих! — уложила-таки хулиганку спать.

Свершилось!

Настя вздохнула облегченно.

Она сделала это...

Можно прийти в себя...

Своих детей у нее пока не было. Хотелось верить, что именно — пока. Хотя когда тебе уже тридцать пять, то можно и усомниться, что они когда-нибудь появятся... Да и откуда им взяться — детям-то? Одного ее желания недостаточно... А Рома ясно дал понять, что не хочет никаких сопливых малышей.

Настя вспомнила, как Машка сегодня старательно, очень волнуясь и торопясь, пыталась рассказать о том, что она гуляла с соседской собакой и сама вела ее за поводок, вспомнила, как Машка напряга-

лась и путала слова и как забавно при этом выглядело ее серьезное, озабоченное личико...

Настя с возмущением подумала, что Машка — вовсе не сопливый малыш, а настоящее чудо, подарок судьбы, то, ради чего стоит жить! И... И совсем непонятно, как можно вообще так говорить о детях...

Она печально посмотрела на письменный стол и на сваленную на него гору тетрадей. Тоска-то какая... Как лень проверять... Но надо... Она и так уже три дня не раздавала детям проверенные работы. Все говорила — завтра, завтра... Теперь вот не только эту кучу разгрести, а еще и за три прошедших дня потом придется проверять.

А еще очень сильно раздражал журнал. Прошел уже почти месяц с начала учебного года, а Настя его толком так и не заполнила. Тоже все тянула и тянула... Вот сегодня притащила талмуд домой, несмотря на строжайший запрет директора, надеялась хотя бы начать вносить списки детей и темы уроков, да какое там... С Машкой не то что заполнить что-нибудь серьезное, с ней даже записку сестре написать невозможно — тут же отнимет ручку, бумажку и со словами: «Я сама буду писать» изорвет листок в мелкие клочья, изрисует обои, обивку мебели и саму себя в доступном для ее хулиганских ручек радиусе действия.

Настя сварила себе кофе и побрела к письменному столу. Пить на ночь этот вроде бы бодрящий и тонизирующий напиток она не боялась. Спать хотелось так чудовищно, что выпей Настя хоть пять чашек подряд — даже тогда достаточно ей только положить голову на подушку, как долгожданный сон

Марина Алексеева

получал ее всю полностью в свое безграничное пользование. Правда, ненадолго — часов на шесть. Это в лучшем случае. А в худшем...

Не высыпалась Настя хронически. И почему так получалось? Вроде ни семьи, ни детей... Свободная женщина. Ромка — не в счет. А Машка?.. Машка — она родная, конечно, и очень-очень любимая, но не своя все-таки... Об этом Насте постоянно напоминали заботливые родственники, так что она и не забывала никогда. Не забывала: Машка — чужой ребенок.

А сколько Настя тратит своего времени и сил на этого не своего ребенка, никто почему-то не считал. Ольга с присущей ей беспардонностью заявляла:

— Насть, я завтра после работы собралась к подружке на посиделки. Надоело все до чертиков. Хоть расслаблюсь. Ты Манюню заберешь, ладно?

Под словом «заберешь» подразумевалось, что за Машкой нужно сходить в садик к пяти часам, а лучше — к четырем, чтобы воспитатели не злились и чтобы Машка не осталась последней и не тарасилась тоскливо на дверь, опасаясь, что ее бросили. Потом следовала обычная вечерняя программа: погулять с ней, покормить, искупать и уложить спать. С посиделок Ольга возвращалась обычно поздно. Да и зачем возвращаться раньше, чем Машка уснет? Тогда ведь придется выслушивать вечерние концерты на тему «пить — писать — поговорить». Гораздо удобнее приехать, когда все уже закончено, и спокойно завалиться спать. Это Настя понимала. И Ольгу не осуждала. Чтобы простить, ведь надо только понять. Настя и понимала. И почти не осуждала. Ус-

тавала просто... А так... Да нет, никого она не осуждает! Спать просто очень хочется...

Ольга выжидающе смотрела на Настю.

— Так забереешь? А? Я так оторваться хочу! Насть, ты приди лучше к четверем, а то опять там эти курицы кудахтали, что я самая последняя все время. Как конфеты у меня брать, так это они всегда пожалуйста, а как пятнадцать минут подождать — сразу морда кирпичом! Мерзавки! Все, как одна, — лохушки иногородние, а гонору!

Настя вздыхала и пыталась сохранить доброжелательное выражение на лице. Отказывать сестре она не умела. Да и Машку любила. Только было почему-то обидно, что с ее личной жизнью никто не считается. Почему в ее безотказности никто не сомневается? Почему Ольга даже не спросит никогда, свободна ли сегодня Настя. Вдруг у нее свидание? Или еще какие-нибудь планы? Хотя какое свидание и какие планы могут быть у синего чулка? Да никаких! И личной жизни тоже никакой быть не может! Поэтому Настей можно пользоваться сколько угодно и когда угодно, а вернее, когда удобно Ольге и ее семье, и совершенно все равно — удобно ли это Насте.

И Настя покорно кивала головой:

— Заберу, конечно.

— Насть, дашь мне свой свитер? Тот, который ты связала, — голубой? Надо баб моих добить — пусть завидуют.

В Ольгином вопросе, по сути, и вопроса-то не было. Было утверждение. И отказать ей Настя не могла, хотя свитер было жалко. Она связала его пару недель назад и надевала всего один раз. А Ольга,

Марина Алексеева

помимо своей способности обливаться и сажать неотстирывающиеся пятна, еще и по комплекции была, мягко говоря, крупнее, и вязаные вещи растягивались на ее могучей груди так, что Настя потом смотрелась в них, как будто бы она была не девушкой из плоти и крови, а пластмассовой вешалкой в магазине.

И почему она такая? Почему не может сказать «нет»?! Все обидеть кого-то боится... Что о ней подумают... Да как же это можно отказать, Ольга же устала, отдохнуть хочет... У нее же такая работа утомительная — целый день сидеть в отделе статистики и перебирать бумажки — действительно нелегко. Надорваться можно! Особенно если встать со стула только для того, чтобы пробежаться по ближайшим магазинам...

А про нее, Настю, почему-то никто не думает... У нее и рабочий день короткий! Лафа! От чего ей уставать-то? От двух-трех десятков стоящих на головах учеников, за каждого из которых Настя несет ответственность? Ерунда какая! Одинокая перезрелая училка! Пусть радуется, что она кому-то вообще нужна.

Что-то сегодня день не задался... Лезет всякая ерунда в голову! И зачем обо всем этом думать, если поменять хоть что-то она все равно никогда не решится? Какой смысл изводить себя? Никакого!

Настя шмыгнула носом и открыла первую тетрадь. Надежду заполнить сегодня журнал пришлось безжалостно растоптать ногами. Хватило бы сил хоть тетради проверить...

Настя хлебнула кофе и посмотрела на часы, прикидывая, сколько времени займет работа и сколько останется на сон. Получалось опять меньше шести

часов. Значит, завтра во второй половине дня опять страшно захочется спать...

И бабушка с дачи возвращается...

Настя достала половинку шоколадки, которую приберегла на утро — к завтраку, — и отломилла большой кусок. Посмотрела на него, посмотрела на то, что осталось, подумала немного и решила, что съест сейчас все, а позавтракает чем-нибудь другим... У нее оставалась еще целая пачка кукурузных хлопьев. Если, конечно, Стасик ее не съел... Идти и смотреть было лень... Съел — значит съел... На здоровье!

Жаль, что у нас такие холодные зимы и Светлана Федоровна не может жить в своей деревне круглый год... Стыдно, конечно, так думать о родной бабушке... Стыдно и противно... Только спать в одной комнате с Машкой тоже не очень-то хочется. Машка, конечно, прелесть, но все-таки иногда возникает нескромное желание почитать перед сном... Да и просто побыть одной — это так замечательно...

И почему, когда родилась Машка, все дружно решили, что ее кроватку нужно поставить в Настинной комнате? И почему Настя, ошарашенная напором родственников и их наглостью, не смогла сказать «нет»? Да потому, что она — рохля! Вот почему! И именно поэтому Ольга со своим Стасиком могут хоть всю ночь не спать и даже гостей принимать, именно поэтому Светлана Федоровна смотрит до утра телевизор. И что она там в три часа ночи только находит? Эротiku, как пить дать! С нее станется! И именно поэтому Настя в десять часов вечера должна или, прокравшись на цыпочках мимо Машкиной кровати, тихонечко улечься и тут же ус-

Марина Алексеева

нуть, чтобы не разбудить девочку, или сидеть в гостиной и мозолить всем глаза своим присутствием и любоваться на Стасика, дефилирующего туда-сюда почему-то всегда в трусах.

Эти трусы бесили Настю до невозможности. Она смущалась, но делала вид, что ей все равно, и тихо злилась. Ей почему-то казалось, что Стасик делает это специально. Специально для нее — Насти. Чтобы подразнить и показать ей, кто в доме хозяин. Настя вообще-то и не претендовала на такое высокое звание и место свое знала — то, которое ниже плинтуса, но Стасик все же постоянно ей об этом напоминал.

А иногда Насте почему-то навязчиво казалось, что он хочет продемонстрировать ей свою неземную красоту и, может быть, даже соблазнить. Чем? Чем соблазнить? Обтянутыми тонким трикотажем престями? Или голыми волосатыми ногами? При одной мысли обо всем этом Настю начинало тошнить. Лучше уж она будет думать, что Стасик пытается ее унижить, чем соблазнить...

А еще в гостиной, помимо дефилирующего в neglige с непонятными намерениями Стасика, постоянно ошивалась болтливая и жутко приставучая с душеспипательными разговорами Ольга. А что ей еще, спрашивается, делать? Читать ей просто не хватало терпения. Ничего, кроме подписей под фотографиями знаменитостей в гляцевых журналах, осилить Ольга не могла. Убираться и готовить она избегала под любым предлогом. Играть и гулять с Машкой — вообще дело не царское, сама пусть развлекается, не маленькая! Получалось, что заняться Ольге, кроме просмотра телесериалов и бесконеч-

ных ток-шоу, совершенно нечем. Вот и приходится развлекаться, общаясь с непутевой сестрой... Ольга примерно раз в неделю дотошно интересовалась у Насти, когда же та выйдет замуж, и заверяла ее, что скоро будет совсем поздно и Настя, сто процентов, останется старой девой, правда, без котенка, потому что у Стасика аллергия и кота заводить они не будут.

Слышать этого Настя больше не могла, как и воспитательных монологов Светланы Федоровны, как правило, на одни и те же темы — что она в Настины годы уже такими делами ворочала и замужем два раза побывала, и один любовник у нее в санэпидемстанции начальником служил, а другой был самым настоящим генералом, и форма на нем сидела так чудно... И жизнь у Светланы Федоровны не прошла зря. Вот! А у Насти что, получается — зря? Настя смотрела на выжившую из ума бабушку и почему-то совершенно не хотела, чтобы ее жизнь прошла так же, ну, то есть не зря... И любовник из санэпидемстанции ей был ну совсем не нужен. Даже даром! Так что пусть уж жизнь проходит зря! Это же ее, Настина, жизнь, в конце концов, как хочет, так и живет! Хочет — зря! Хочет — не зря! Зачем ей об этом каждый день говорить? Она что, маленькая?

В общем, что тут понапрасну рассуждать? Просто через пару дней нужно перетащить свои пожитки из комнаты бабушки и переселиться к Машке...

Настя посмотрела в окно. Там уже стемнело и ничего нового не появилось. Все то же самое, что и вчера. Тусклый фонарь, отражающийся неровными бликами в луже, и коренастый, заматеревший от времени ветвистый тополь, который Настя помнила

Марина Алексеева

еще с детства и с которым даже разговаривала, когда ее оставляли одну дома, и Насте тогда становилось не так одиноко и даже казалось, что тополь внимательно ее слушает и по-доброму, снисходительно улыбается с высоты своего роста и возраста, ободряюще шурша листьями. И Настя тоже улыбалась тополю в ответ, и ей тоже казалось, что она не одна, а с настоящим, понимающим другом...

Все было то же самое, и тополь на месте, и фонарь, ничего не изменилось... Да и что там может измениться, в окне? Ничего! Как и в Настиной жизни... Ничего никогда не изменится... Но Настя все равно поглядела. Она любила вот так просто смотреть в окно и думать ни о чем... Улыбаться своему старому другу и следить за тем, как колышутся от ветра его ветки. А может, не от ветра, а оттого, что тополь хочет ей сказать что-то важное?

Да, наверное, именно поэтому...

Настя поставила последнюю на сегодня тройку и закрыла последнюю на сегодня тетрадку. Сколько еще троек и тетрадок будет на ее веку? А будет еще что-то? Вряд ли... Так и пройдет жизнь... Хотя... Может, это и не плохо? Вот Ольге Настя совсем не завидовала. Зачем выходить замуж, чтобы каждый день орать на мужа, называть его тряпкой и сволочью, а потом прикладывать лед к шишкам и синякам, которыми обидевшийся на такое обращение супруг щедро Ольгу награждал?

Лучше уж вообще никакого мужа, чем такой, как Стасик, подумала Настя. Хорошо, что сегодня она одна дома и Стасика нет. Хорошо, что никто не ходит мимо нее в обтягивающих толстую задницу ро-

зовых трусах и не смотрит презрительно, как на ненужную, мешающуюся под ногами вещь... Хорошо, что сегодня она все еще будет спать в комнате Светланы Федоровны...

— Анастасия Сергеевна, а сегодня дополнительные по русскому будут? — спросил Исмаил, с надеждой глядя на Настю своими огромными и черными как смоль глазищами.

Настя улыбнулась. Как же маленькому смуглому мальчишке не хотелось оставаться после уроков для того, чтобы заниматься каким-то там дополнительным русским. У него и так хорошо все. Зачем заниматься, когда можно в футбол поиграть или просто с друзьями по улицам послоняться? Это же намного приятнее противного русского, который никак не хотел укладываться в его черноволосой голове.

— Будет, Исмаил, обязательно будет, — развеяла в пух и прах детские надежды Настя.

А кому сейчас легко? Ей тоже совершенно не хочется вдалбливать склонения и спряжения в забитые всем, чем угодно, только не желанием обучаться, легкомысленные головки... Но куда от этого деться? Будет вдалбливать. И вдолбит так, что ее класс обязательно займет первое место в соревнованиях по успеваемости между параллелями.

У Насти был талант. Настоящий талант педагога. Она умела объяснять так, что понимали ее все, практически все дети. Причем она не пользовалась никакими новомодными методиками, просто работала с учениками по выбранной завучем программе, на свой страх и риск периодически от нее отступая.

Марина Алексеева

Настя просто сердцем чувствовала, что, например, тема, предложенная этой самой, написанной уважаемыми людьми программы, должна быть преподнесена детям не завтра, а после изучения другой, идущей через пару недель темы. И Настя делала так, как считала нужным. Меняла местами уроки. Меняла предлагаемые авторами примеры и задания на свои собственные. Настя не особенно задумывалась, почему это делает, просто представляла себя на месте ребят и сразу видела, что пример не нагляден, что она, Настя, на этом примере суть ни за что бы не уловила. Значит, нужно менять! И меняла! И получала результат! Результат ее всегда радовал.

Тем и хороша работа в школе, что плоды своего труда можно увидеть, увидеть и порадоваться, порадоваться и понять, что не зря корпела над учебниками, не зря вбивала и вбивала в детские головки сложный материал, не зря нервничала и сердилась, пытаюсь приучить класс к порядку и дисциплине.

Когда того же Исмаила привели в ее класс два года назад, Настя пришла в шок. Мальчик не то что писать и читать на русском языке не умел, он разговаривал с большим трудом. Настя не хотела его брать. Даже к завучу ходила. Ну чему она его может научить, если он отстает от других ребят на несколько лет в своем развитии? Но смуглолицая и такая же черноглазая, как мальчик, мать Исмаила буквально разрыдалась на Настиной груди, даже в ноги ей кидаться пыталась... И Настя сдалась... Как обычно, не смогла сказать «нет»... Пожалела и Исмаила, и его мамашу. Ну кто еще может научить этого ребенка хоть чему-нибудь, кроме нее — Насти? Да никто!

А Настя научит! Настя будет не Настя, если не научит!

Пожалела. Поняла, что шансы на успех у мальчика есть только при индивидуальных занятиях с личным преподавателем. А такие педагоги стоят очень больших денег. Взглянув на очень аккуратно заштопанный свитер Исмаила и на стоптанные туфли его матери, Настя поняла, что на преподавателей денег у них нет... Что ж, тогда она будет этим самым преподавателем... Почему бы и нет? Даже интересно, что у нее получится!

Конечно же, у Насти получилось! В школе у нее всегда и все получалось. Даже странно... В жизни никогда и ничего, а в школе — все и всегда! Она ежедневно оставляла Исмаила после уроков и занималась с ним по программе первого класса, в то время когда ее дети уже учились во втором. День за днем... День за днем... Дело это не быстрое, и нужно было набраться терпения. А терпения Насте было не занимать. Так уж сложилась ее жизнь, что все время приходилось чего-то ждать, с чем-то мириться, кому-то уступать... Так что терпеть она умела. И Исмаила научила. Всему, чему хотела!

Непоседливому мальчишке было очень трудно. Он пытался бороться с Настей, сопротивлялся получаемым знаниям изо всех своих сил. Но Настя была бы не Настя, если бы не нашла ключик к его горячему восточному сердцу. И она нашла. Ласково, но строго гнула свою линию, пытаясь сделать занятия увлекательными, интересными, даже веселыми иногда. Ясно дала понять, что поблажек не будет и Ис-

Марина Алексеева

маилу лучше смириться и учиться, чем продолжать бесполезные попытки от занятий увильнуть.

Со временем Исмаил в Настю просто влюбился. Он смотрел на уроках ей в рот, не отрывая ни на секунду от нее восторженного, обожающего взгляда. И учиться начал почти наравне с другими детьми. Пока, правда, на тройки. Но это были твердые тройки. Это были выстраданные тройки. Такие же, как у всех остальных мальчишек! Если учесть, что Исмаил даже двух слов грамотно связать не мог, то эти тройки можно было считать настоящей победой!

А как он радовался четверкам и редким пятеркам, которые Настя, естественно, бесстыдным образом натягивала! Но надо же как-то стимулировать ребенка! Нельзя же одни тройки ему ставить! Вот и ставила Настя редкие «хорошо» и «отлично», а потом украдкой наблюдала, как загораются восторгом глаза Исмаила, когда он открывал тетрадь и видел перед собой большую, красную, с завитушкой на хвосте — настоящую пятерку!

Настя смотрела на Исмаила и думала о том, что было бы с ним, если бы она не взяла его в свой класс и не стала бы заниматься? Ничего хорошего, скорее всего... Заклевали бы его и зашпыняли, как ребята, так и преподаватели. Дети жестоки и смеются над слабостью. Гордый от природы Исмаил просто замкнулся бы от такого отношения или стал бы болезненно агрессивным, отстаивая свое право на существование. И вряд ли какой-нибудь другой учитель стал бы тратить свое личное время бесплатно, ради какого-то там черноглазого мальчишки. Это

только несовременная и глупая альтруистка Настя на такие поступки способна...

Ну и что? Да, она такая... И рада этому! Зато теперь из Исмаила выйдет толк! Он научился работать, научился добиваться поставленной цели, понял, что он сильный и умный, а это дорогого стоит...

— Анастасия Сергеевна, а вы сегодня много зададите? — услышала очередной, преисполненный надеждой голосок Настя.

Рядом с ней стояло рыжее чудо — Светик. Так про себя называла эту смешную девчущку Настя.

Девочка подошла слишком близко и даже прижалась к ней плечом. Настя ощутила неловкость. Она вообще слишком болезненно реагировала, когда кто-то сокращал обычную между людьми дистанцию и вторгался в ее личное пространство. Говорят, что радиус этого самого пространства у всех разный. У кого-то полметра, у кого-то двадцать сантиметров, а у Насти этот радиус равнялся метру, а еще лучше двум. Она ненавидела, когда кто-то, доверительно наклонившись и обдавая дыханием, шептал ей на ухо, ненавидела, когда ее дружески приобнимали или брали за руку, демонстрируя теплые чувства. Настя сразу вся словно натягивалась, как струна на высоком аккорде, и чувствовала, что вот-вот не выдержит и, как эта самая струна, со звоном лопнет. Часто беседа с каким-нибудь эмоциональным человеком превращалась в наступление-отступление. Настя тихонечко делала шаг назад, увеличивая дистанцию, а непонятливый собеседник, наоборот, приближался и приближался, брызгая слюной от избыт-

ка чувств, припирая в конце концов Настю к стене или к столу.

Так вот, смешная Светка нарушала Настино личное пространство просто безбожно. Мало того, она норовила не только подойти поближе, но и прижаться, вцепиться в Настины руки и перебирать ее пальцы своими маленькими теплыми пальчиками или даже уткнуться лбом Насте в плечо и замереть так на мгновение. Странно, но Светка ее не раздражала. Да, Настя чувствовала себя неловко, напрягалась, но не злилась. Ей было жалко маленькую конопатую девочку с двумя короткими косичками. Почему жалко? Настя и сама не знала. Просто жалко, и все!

Матери у Светки не было. Она росла с отцом — очень приличным и интеллигентным на вид мужчиной. И еще с дедом. Бабушки не было тоже. Настя помнила, что мама у Светы погибла, когда она только родилась, — это отец написал в анкете. Появилась ли в доме другая женщина, или девочка так и живет в мужском коллективе, Настя не знала. Саму Светку Настя боялась ранить своей бестактностью, поэтому ни о чем не спрашивала, а ее отца почему-то стеснялась. Он был такой же рыжий, как и его дочь, весь какой-то большой, широкоплечий, очень высокий, грузный, как богатырь в русских сказках. Для полного комплекта не хватало, чтобы под ним была лошадь с короткими толстыми ногами (другая его просто не выдержала бы) и дубина в руках. Вот смотрела на него Настя и каждый раз думала про эту дубину — такую, с шипами на круглом наконечнике. Не хватало дубины, и все тут!

А так в целом приличный был мужчина, немногословный, серьезный, вечно куда-то спешащий и чем-то озабоченный. Да и приходил он на собрания всего пару раз в году, не больше... Настя даже имя его не помнила. Только внешность. Очень уж запоминающаяся у него была внешность. И глаза очень хорошо помнила... Серые такие, холодные и задумчивые...

Строгая и уверенная в себе при общении с родителями, Настя в присутствии Светкиного отца как-то терялась и сбивалась с мысли. Поэтому она просто старалась в его сторону не смотреть и без лишней необходимости с ним не общаться.

Но теперь, глядя на прижавшуюся к ней Светку, Настя подумала, что побеседовать с ее отцом придется. Поведение девочки как минимум странно... Видимо, ей очень не хватает материнской ласки. Или ласки вообще? Вот она к Насте и тянется...

Ведь не зря же говорят о необходимости так называемого тактильного контакта. Очень нужная и важная вещь этот самый контакт для развития ребенка. Вроде не заметно ничего с виду, а если маленький человечек недополучает тепла прикосновений любящих его рук, то это плачевно сказывается на его психике. Тактильный голод ведет к развитию незаметных на первый взгляд, но очень серьезных комплексов. Например, таких, как у самой Насти. Ведь не случайно же она дикая, будто не обычная земная женщина, а сбежавшая из зоопарка озверевшая рысь. Только кто дотронется — сразу хочет рычать и кусаться...